

Глава 17 Сильный жар

Сяо Жун вернулся к себе в полном одиночестве. А Шу в это время сидел в комнате, усердно полируя свой огромный меч.

Стоило юноше переступить порог и закрыть за собой дверь, как он зашелся в таком кашле, что, казалось, само здание содрогнется. Перепуганный А Шу выронил оружие и бросился к господину.

— Господин, что с вами?! — воскликнул он, поддерживая хозяина.

Лицо Сяо Жуна покраснело от натуги. Лишь спустя добрую минуту приступ отступил, и он, едва отдышавшись, в ужасе подскочил: — Мой меч!

— ...

А Шу только и смог, что лишиться дара речи.

Сяо Жун бережно поднял меч и принялся рукавом стирать с него пыль. Убедившись, что на лезвии нет ни царапины, он облегченно выдохнул и медленно опустился на стул. — Пустяки, я не болен. Просто слишком громко кричал, вот горло и разболелось.

А Шу недоуменно моргнул: — Но зачем вам было так кричать, господин?

Юноша задумчиво уставился в угол стола. Каждое слово давалось ему с трудом, голос звучал глухо и низко: — Потому что Цюй Юньме — набитый дурак.

А Шу испуганно замер, а затем прошептал: — Господин, о таких вещах лучше думать про себя. Пожалуйста, не говорите этого вслух.

В мгновение ока Сяо Жун вернул себе привычный беззаботный вид. Отмахнувшись от предостережения слуги, он пригубил чай. — Чего бояться? Я ведь не стану называть его так в лицо.

«Это еще как посмотреть», — скептически подумал А Шу.

Обычно его господин отличался завидным хладнокровием, но в те редкие моменты, когда гнев брал над ним верх, он был способен на любые слова и поступки. Впрочем, несмотря на резкое прозвище, сейчас Сяо Жун выглядел спокойным — в его движениях даже сквозила некая уверенность, граничащая с игрою.

А Шу хотел было добавить что-то еще, но хозяин, допив чай, решительно поставил чашку на стол: — В ближайшие дни я к нему не пойду. Дело с Сыном Будды слишком важное, я обязан показать свою позицию.

Сяо Жун понимал: Цюй Юньме, по сути, дал ему шанс. Если бы государь действительно был непреклонен или грозил казнью, он не стал бы лезть на рожон. Но раз тот промолчал, значит, есть место для маневра, и за это право стоило побороться.

Слуга, уже слышавший о Сыне Будды, лишь понимающе кивнул. Юноша тем временем поднял на него взгляд и заискивающе улыбнулся: — Видишь ли, я так торопился уйти, что в пылу спора кое-что забыл ему сказать. Добрый А Шу, не сочтешь ли за труд сходить к нему вместо меня?

— ...

Минул полдень, прошел вечер, но от Сяо Жуну не было ни весточки. Запершись у себя, он не подавал признаков жизни, и можно было подумать, что он испустил дух прямо там, в четырех стенах.

Цюй Юньме стоял на плацу, сжимая в руках длинную саблю. С каждым яростным ударом по тренировочному столбу эта мысль проносилась в его голове, не вызывая и тени сочувствия.

Хрупкое здоровье юноши было для него загадкой. Как этот человек вообще дожил до своих лет? То он харкает кровью, то на следующий день скачет как ни в чем не бывало, а на третий снова выглядит так, будто его краше в гроб кладут — и шагу не может ступить без одышки. Но...

Именно этот Сяо Жун, едва узнав о появлении Ли Сюэхэна, обливаясь потом и задыхаясь на каждом повороте, поднялся на заставу Яньмэнь лишь для того, чтобы найти его и поговорить.

Обычно во время тренировок Цюй Юньме ни на что не отвлекался, но сегодня его мысли были под завязку забиты этим человеком.

Сяо Жун, Сяо Жун, Сяо Жун!

То он казался несносным, то ненавистным, то нелепо наивным.

Очередной удар оставил в дереве глубокую зарубину. Сабля застряла в древесине, и Цюй Юньме, охваченный раздражением, услышал неподалеку какой-то шум. Гнев закипал в нем — сейчас ему больше всего хотелось пришибить кого-нибудь, чтобы хоть немного успокоиться.

Наплевав на осторожность, он с такой силой рванул саблю на себя, что не только освободил клинок, но и попросту переломил несчастный столб пополам.

Обернувшись на голоса, он расслышал слова стражника: — Государь сейчас никого не принимает. И кто ты вообще такой? Неужто прокрался сюда тайком?

Вопрос был вполне уместным, ведь во всем Чжуньюане только в резиденцию Чжэньбэй-вана можно было вот так запросто попытаться проскользнуть незамеченным.

Цюй Юньме прищурился, разглядывая гостя. Когда он узнал А Шу, хмурая маска на его лице дрогнула, а взгляд прояснился. Даже свинцовое небо, грозившее дождем, вдруг показалось ему почти уютным.

Уголок его губ едва заметно дернулся вверх, но он тут же взял себя в руки и, сохраняя ледяное выражение лица, кивком указал на пришедшего. Стражники, получив знак, в замешательстве пропустили А Шу.

Тот был высок, но худощав — кожа да кости. Привыкнув быть слугой, он чувствовал себя крайне неуютно среди закаленных воинов на плацу и даже не знал, куда деть руки. Подойдя к Чжэньбэй-вану и оказавшись лицом к лицу с этим могучим, источающим угрозу человеком, А Шу с трудом сглотнул. Подавив желание сорваться с места и сбежать, он отвесил низкий поклон: — Ничтожный слуга приветствует государя.

Чжэньбэй-ван отозвался коротким, бесстрастным «хм» и спросил: — Твой хозяин прислал тебя?

А Шу закивал: — Да, господин велел передать государю несколько слов.

Государь задумчиво провел пальцами по узору на рукояти.

«Ученые мужи — народ капризный, — подумал он. — Решил признать вину, а сам не явился, подослал слугу. Впрочем, Сяо Жун куда сговорчивее прочих книжных червей, не стоит быть с ним слишком суровым»

С этими мыслями он милостиво кивнул: — Говори.

А Шу бросил на него быстрый взгляд, недоумевая, с чего бы это Великий ван вдруг сменил гнев на милость. Разве они с господином только что не разругались в пух и прах? Впрочем, не важно — главное выполнить поручение.

— Государь, мой господин велел передать следующее: он не силен в гаданиях, а потому просит вас не разглашать его тайну. Раз Сын Будды еще не прибыл, господину придется самому занять это место. Хотя государь и грозился убить любого нового предсказателя, вы также упоминали, что в Армии Чжэньбэй может быть один чародей. Когда же Сын Будды явится,

господин сам подаст в отставку и уступит ему свое место. Мой господин надеется, что государь не станет отказываться от своих слов.

Цюй Юньме резко шагнул вперед, и вид у него в этот миг был такой, словно он собирался сожрать юношу живьем: — Это точные слова твоего хозяина?!

Перепуганный А Шу вскинул руки к груди, напоминая загнанного хомяка. Глядя на него, государь почувствовал, как в груди закипает бессильное бешенство.

— Вон! — рявкнул он после недолгого молчания.

А Шу, не чуя ног под собой, мгновенно скрылся из виду.

Оставшись один, Цюй Юньме в ярости заметался по плацу. Каждый его шаг был полон гнева. В конце концов, он со всей дури вогнал саблю в землю и, отогнав стражников, стремительно удалился в неизвестном направлении.

Сяо Жун был твердо намерен заполучить Сына Будды, а Цюй Юньме — не менее твердо намерен ему помешать. По правде говоря, слова юноши в тот день заставили государя дрогнуть, но когда он понял, что тот так отчаянно вцепился в этого монаха, что даже посмел скрыто угрожать ему собственным уходом — ярость вспыхнула с новой силой. Какая нелепость!

Кто такой этот Сяо Жун? Всего лишь талантливый ученый, не более. И он думает, что может диктовать условия?!

Теперь в глазах Великого вана сам Сын Будды отошел на второй план. Главным было то, что Сяо Жун вознамерился пойти против него. Нет, монах все же был виноват — ведь именно ради этого «лысого осла» юноша рискнул использовать себя для шантажа! Еще не видя Сына Будды в глаза, Цюй Юньме уже заочно его возненавидел.

Сяо Жун избегал встреч с Великим ваном, а тот, в свою очередь, не желал видеть юношу. О делах Сяо Жуна никто ничего не знал, государь же тем временем чуть не перевернул весь округ Яньмэнь вверх дном. Он поклялся найти предателя в своих рядах и лично пустить ему кровь.

Такие беспощадные поиски принесли плоды: вскоре схватили двух младших офицеров. Один из них под пытками сознался, что именно он распускал ту злосчастную песенку. Но изучив их показания, Цюй Юньме почувствовал — здесь что-то не так.

Он был гениальным полководцем, но в делах управления смыслил мало. Зато он обладал даром, которого были лишены другие — обостренным чутьем. В походах интуиция военачальника не раз спасала тысячи жизней. Даже в прошлый раз, когда его пытались выманить из крепости, он вернулся лишь потому, что почувствовал неладное.

И сейчас это чутье подсказывало ему: схваченные офицеры — лишь мелкие сошки. Истинный предатель, затаившийся в войске, еще не выдал себя. К тому же Сяо Жун с самого начала предупреждал: тот, кто решится на измену, наверняка занимает высокий пост...

И почему он снова о нем вспомнил?

Интуиция — вещь хорошая, но она лишь указывает направление. Как именно действовать и где искать, Цюй Юньме должен был решить сам. Но именно на этом шаге он и застрял.

В армии тем временем царил тревога — каждый боялся попасть под подозрение. Истинный изменник, скрывающийся среди офицеров, тоже изрядно трусил, но старательно делал вид, что его это не касается. В глубине души он понимал: при таких методах дознания рано или поздно очередь дойдет и до него.

Тогда он отправил тайное письмо Ли Сюхэну, надеясь, что тот, кто подговорил его на предательство, отыщет для него путь к спасению. Он и не подозревал, что сам Ли Сюхэн сейчас находится в крайне незавидном положении.

Именно он вел переговоры с племенами, он давал обещания варварам. Учение Чистого Ветра выделило лишь двух Хуфа (Защитников веры) невысокого ранга, а сам глава учения даже не показался. Сяньби решились на вторжение лишь потому, что Ли Сюхэн когда-то командовал Армией Чжэньбэй и знал ее изнутри. Им казалось, что это сулит легкую победу.

Но какова была правда? Когда он бежал, от армии почти ничего не осталось. Всё нынешнее величие — заслуга исключительно Цюй Юньме. Бывший командующий мог лишь рассчитывать на свое имя, чтобы подтолкнуть к измене тех, кто и так поглядывал в сторону врага.

Верные ему люди давно погибли, а те, кто по-настоящему предан Великому вану, на сделку бы не пошли. В итоге вышло так, что каждый изменник действовал лишь в собственных интересах и ради своей выгоды готов был на что угодно.

Мелких сошек Ли Сюхэн не боялся, но он всерьез опасался, что тот, другой, может его выдать. Поэтому он всячески успокаивал его в письмах: мол, не стоит спешить, глава учения их не забудет, а в крайнем случае они всегда смогут укрыться у Хуан Яньцзюна.

После смерти Хуан Яньциня его брат развивал свое влияние в Цзяньнине. Он затаил на Цюй

Юньме смертельную обиду, а значит, охотно примет любых перебежчиков.

Получив письмо, предатель не особо поверил этим посулам, но иного выбора у него не было. Сжегши послание, он задул свечу и лег спать.

В то же самое время Сяо Жун, мирно спавший у себя, внезапно издал мучительный стон. А Шу, дремавший в соседней комнате, услышал неясные звуки. Откинув одеяло, он подошел и коснулся руки больного. Кожа была сухой и обжигающей. Приглядевшись, юноша в ужасе вскрикнул: — Господин, да у вас сильнейший жар!

<http://bllate.org/book/15355/1417420>